

Сергей Пашин

О ЧЕРВОНОРУССКИХ ШЛЯХТИЧАХ XIV–XV ВЕКОВ И НЕ ТОЛЬКО О НИХ

Автор этих строк, написав книгу¹ и десяток статей, в названии которых присутствуют слова «шляхта», «шляхетство», «шляхетский», не без влияния дискуссий о лингвистическом повороте, задумался о том, насколько адекватно восприятие шляхты современными исследователями и людьми, жившими в Польском королевстве XIV–XV веков. В предыдущих работах моя трактовка шляхты была вполне традиционной: шляхта выступала как сословие привилегированных феодальных землевладельцев, отличное от других сословий позднесредневековой Польши. Настоящая статья носит предварительный характер и преследует цель указать на проблемы, которые далеко не всегда учитываются историками, занимающимися изучением средневековой знати.

Термин «шляхта», скорее всего, происходит от средневерхненемецкого *slahte*, которое следует переводить как «род, поколение, происхождение». Разумеется, подразумевалось происхождение благородное. Таким образом, шляхтичи — это люди благородного происхождения. В польский язык слово проникло не позднее XIV в. Во всяком случае, уже в разъезжей грамоте 1352 г. на староукраинском языке русского старосты Оты Пилецкого упоминался «шляхетный пан Кузьма Сурмич», а в луцком привилее 1388 г. князя Александра-Витовта литовским евреям — «шляхтич»².

Что касается польских латиноязычных памятников XIV–XV вв., то любой медиевист-полонист скажет, что «шляхтич» скрывается за определением *nobilis* (благородный, знатный), а «шляхта» обычно выступает как *nobilitas*. Обращение к текстам самих документов заставляет усомниться в столь однозначных оценках.

В знаменитом Кошицком привилее 1374 г. Людовика Венгерского, помимо нобилей, упоминаются бароны, рыцари, знатные и даже магнаты³. Двумя годами ранее король, извещая своих

подданных в Венгрии и Польше о передаче Червонной Руси под управление князя Владислава Опольского, обращался ко всем «прелатам, баронам, комесам, каштелянам, нобилям, вассалам, землевладельцам, имущим людям, также городам, крепостям, правителям городов и крепостей в названных королевствах наших, Венгрии и Польше»⁴.

В декабре 1378 г. Людовик уступил Опольскому вместо Червонной Руси Добжиньскую землю. В связи с этим вышло его обращение к жителям Добжиньской земли, адресованное местным земским урядникам, а также «нобилям, рыцарям, земянам, вассалам, обитателям, жителям, городам, райцам, присяжным, лавникам, мещанам»⁵.

13 января 1379 г. Владислав Опольский, в свою очередь, обратился ко всем жителям Червонной Руси: «баронам, земянам, нобилям, рыцарям, клиентам, воеводам, войским, также войтам, райцам, мещанам, солтысам, судьям и всем обитателям, в Русской земле остающимся»⁶.

Период прямого венгерского правления в Червонной Руси продолжался менее 10 лет — в феврале-марте 1387 г. она была захвачена поляками. 18 февраля 1387 г. королева Ядвига подтвердила и расширила привилегии жителей Перемышльского повета, адресовав их «рыцарям, нобилям, клиентам, райцам города и всему сообществу нашего названного повета»⁷.

Супруг Ядвиги весной 1395 г. решал вопрос о сборе десятины в пользу перемышльской католической епископии «вместе со всеми баронами, рыцарями, нобилями, клиентами, земянами, мещанами и прочими людьми и обитателями Перемышльского диоцеза»⁸. Тремя годами ранее Владислав-Ягайло обещал даровать «баронам, рыцарям, боярам, нобилям и клиентам» Луцкой земли права, «какими земяне земли нашей Львовской пользуются»⁹.

Приведенных примеров, думается, достаточно, чтобы сделать вывод о том, что, по крайней мере, в некоторых документах второй половины XIV в. «nobiles» воспринимались только как один из отрядов польского шляхетства. Выказанную гипотезу можно подкрепить анализом и других публичных актов. В рамках данной статьи мы ограничимся рассмотрением червонорусских документов.

Начнем с того, что в жалованных грамотах Казимира Великого (1349–1370) адресаты обычно выступали с определением

«*fidelis noster (dilectus)*» (верный наш (любезный)). Понятно, что пожалованные были людьми благородного происхождения — локационные грамоты, как правило, адресованы «*provido viro*» (заботливому мужу) — хотя небрежность к установлению сословной принадлежности сама по себе достаточно показательна. Когда же речь заходит о высокопоставленных адресатах, в ход идут определения «рыцарь» (*miles*), «благородный и отважный рыцарь» (*nobilis strenuusque miles*). То же самое можно сказать и о списках свидетелей — чаще всего, приходится сталкиваться с «присутствующими... заслуживающими веры» (*presentibus... fidedignis*), иногда — со «*strenuis ac nobilibus dominis*».

«Отважные» паны или рыцари (*strenuis dominis, strenuis militibus*) нередко появляются в корраборации червонорусских жалованных грамот Владислава Опольского, но гораздо примечательней клаузула основной части актов о том, что пожалование сделано «зрелым советом наших сеньоров»¹⁰, или «наших баронов» и даже «...наших старших нобилей»¹¹.

В жалованных грамотах Владислава-Ягайло (1387–1433) при характеристике адресата «*fidelis dilectus*» встречается заметно чаще, чем «*nobilis*», зато список «присутствующих», как правило, сопровождается определениями «отважные и благородные» (*strenuis et nobilibus*) мужи или паны. Польский историк А. Богуцки полагает, что определение «*strenuus*», как и выражение «*strenuus miles*», обозначало шляхтича, посвященного в рыцари за храбрость. Постепенное исчезновение «отважных» во второй половине XV в. исследователь связывает с заменой посполитого рушения наемными войсками¹².

Одна новация ягайловых грамот все же бросается в глаза: в 10-е и особенно 20-е годы XV в. в списках свидетелей на смену «отважным» (или в дополнение к ним) приходят «*magnifici*» (знатные, вельможные) — с таким определением выступают высшие земские урядники этнических польских земель — воеводы (*palatini*) и каштеляны (*castellani*)¹³. Кроме того, следует отметить первые — пока еще редкие — случаи использования термина «*generosus*» (родовитый) в отношении видных червонорусских адресатов как мужского, так и женского пола¹⁴. Что касается грамот червонорусских старост, то на рубеже XIV–XV вв. именам всех

адресатов шляхетского происхождения непременно предшествует определение «*nobilis (nobiles)*» — лица более высокого ранга, скорее всего, просто не попадали под старостинскую юрисдикцию.

Распространение на Червоную Русь норм польского права (1434 г.) означало не только появление в четырех червонорусских землях земских урядников (дигнитариев и официалов), но и более четкое структурирование местного шляхетского сообщества, которое можно выразить триадой — «*magnifici*», «*generosi*» и «*nobiles*». Правда, в документах времен правления Владислава Варненчика (1434–1444) — жалованных грамотах, публично-частных и частных актах, судебных (земских и городских) книгах — нередко упоминаются «*streni*», однако они сходят на нет при Казимире Ягеллончике.

Право называться «вельможным» давало занятие двух высших земских урядов — воеводы и каштеляна, а также генерального русского старосты. С таким же определением, как правило, выступают и супруги высших дигнитариев (но не дети). В число «вельможных» попала даже супруга перемышльского каштеляна Добеслава Жиравицкого (1460–1477) Анна — дочь богатого львовского мещанина Яна Шропа¹⁵.

Прочие дигитарии (подкомории, земские судьи) и официалы (стольники, подсудки и др.) попадали в разряд «родовитых». При этом следует помнить о двух обстоятельствах. Во-первых, в количественном отношении дигитарии и официалы явно терялись среди рядовых шляхтичей — в червонорусских землях одновременно могло быть только 5–6 «вельможных» и максимум четыре десятка «родовитых». Во-вторых, «*magnifici*» и «*generosi*» не являлись обособленной социальной группой — даже совершеннолетние сыновья дигнитариев были всего лишь «*nobiles*». Не случайно в феврале 1506 г. польский король Александр обращался не к «вельможным», «родовитым» и «благородным», к «воеводе, каштеляну, дигитариям и официалам, и всему шляхетству Перемышльской земли»¹⁶.

Остается добавить, что термин «шляхтич» встречается лишь в нескольких документах XIV–XV вв., составленных на территории Великого княжества Литовского. В червонорусских актах XV в. на староукраинском языке упоминаются только «паны», «добрии панове», «шляхетни панове»¹⁷. Последний вариант является дословным переводом выражения «*nobiles domini*».

-
- ¹Пашин С. С. Перемышльская шляхта второй половины XIV — начала XVI века: Историко-генеалогическое исследование. — Тюмень, 2001.
- ²Словник староукраїнської мови XIV–XV ст. — К., 1978. — Т. 2. — С. 560–561; Prochaska A. Dokument graniczny Czerwono-ruski z 1352 r. // *Kwartalnik historyczny*. — Lwów, 1900. — Roczник 14. — Zeszyt 1. — S. 54.
- ³«Barones, Nobiles, Milites», «Barones, Nobiles, Proceres», «omnes Barones, Magnates, Nobiles» (См.: *Jus Polonicum*. — Varsaviae, 1831. — P. 24–25).
- ⁴«Prelatis, Baronibus, Comitibus, Castellanis, Nobilibus, Vassallis, prediatibus, possessionatis hominibus, item Civitatibus, Opidis, Civitatumque et Opidorum rectoribus in dictis Regnis nostris Hungarie et Polonie» (См.: *Akta grodzkie i ziemskie* (далее — AGZ). — We Lwowie, 1872. — Т. 3. — S. 46. — N 20).
- ⁵«Nobilibus, Militibus, Terrigenis, Vassallis, Incolis, Inhabitoribus, Civitatibus, Consulibus, Iuratis, Scabinis, Civibus» (Ibid. — We Lwowie, 1875. — Т. 5. — S. 17. — N 14).
- ⁶«Baronibus, Terrigenis, Nobilibus, Militibus, Clientibus, Woywodis, Tribunis, item Advocatis, Consulibus, Civibus, Scultetis, Iudicibus et universis Incolis, in terra Russie manentibus» (Ibid. — Т. 3. — S. 56. — N 27).
- ⁷Ibid. — We Lwowie, 1878. — Т. 7. — S. 36–37. — N 19.
- ⁸Ibid. — We Lwowie, 1880. — Т. 8. — S. 38–39. — N 24.
- ⁹Archiwum książąt Lubartowiczow-Sanguszków w Sławucie. — We Lwowie, 1887. — Т. 1. — S. 12–13. — N 13.
- ¹⁰«maturum nostrorum seniorum prae habito consilio» (AGZ. — Т. 7. — S. 15–16. — N 9).
- ¹¹«nostrorum baronum subscriptorum», «maturum consilio nostrorum nobilium seniorum» (Грушевський М. Кілька грамот Володислава Опольського // *Записки Наукового товариства імени Шевченка*. — Львів, 1903. — Т. 53. — С. 6–8. — № 4–5).
- ¹²Bogucki A. *Strenuus jako tytuł polskich rycerzy pasowanych (XIII–XV w.)* // *Przegląd historyczny*. — Warszawa, 1986. — Т. 77. — Zeszyt 4. — S. 625–647.
- ¹³См. напр.: AGZ. — Т. 3. — S. 175–179, 201–202. — N 89–90, 92, 106; We Lwowie, 1873. — Т. 4. — S. 73–75 (1409 г.). — N 22; We Lwowie, 1876. — Т. 6. — S. 19–20. — N 13; *Materiały archiwalne, wyjęte głównie z Metryki Litewskiej od 1348 do 1607 roku* / Wyd. A. Prochaska. — Lwów, 1890. — S. 24–26, 51–52, 58–59. — N 35, 64, 71.
- ¹⁴*Kodeks dyplomatyczny małopolski*. — W Krakowie, 1905. — Т. 4. — S. 93–94. — N 1084 (1404 г.); AGZ. — Т. 3. — S. 197–198. — N 103 (1428 г.); Т. 5. — S. 33–35. — N 27 (1406 г.).
- ¹⁵См. напр.: AGZ. — Т. 5. — S. 197. — N 150; We Lwowie, 1903. — Т. 18. — S. 361, 529. — N 2458, 3836.
- ¹⁶«Pallatino, Castellano, dignitariis et officialibus totique nobilitati terre prefate Premisl» (Ibid. — Т. 18. — S. 488–489. — N 3488).
- ¹⁷См. напр.: *Южнорусские грамоты*. — К., 1917. — Т. 1. — С. 85, 92–94. — № 46 (1414 г.), 50–51 (1421 г.); AGZ. — Т. 6. — S. 17–18. — N 12 (1418 г.).